К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

sites of the cultural circle of Lola. The historical destiny of the post-Catacomb cultural formations was closely connected with the appearance and expansion of the chariot cultures. The Volga-Don Babino culture and the Volga-Ural cultural groups, having found themselves in the epicenter of the Volga-Ural cradle of cultural genesis, were consumed by the new militarized cultures of the initial phase of the Late Bronze Age and became one of the components of the latter's formation.

ДАТИРОВКА ТАК НАЗЫВАЕМОГО СТЕПНОГО СОСУДА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТАИП-ДЕПЕ 1 В ДРЕВНЕЙ ДЕЛЬТЕ МУРГАБА (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

В. А. Алёшкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-41-44

Ключевые слова: Центральная Азия, Северо-Восточный Иран, поздний бронзовый век, Таип-депе 1, дельта Мургаба, Тене Гиссар, орнамент, глиняный сосуд.

При раскопках древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана в культурных отложениях, относящихся к позднему бронзовому веку, иногда находят лепную посуду, представленную в основном фрагментами. Способ ее изготовления не имеет ничего общего с технологией местного гончарного производства. Речь идет о черепках сосудов, характерных для быта пастушеских племен степей Евразии. Культурно-хронологическая атрибуция большинства найденных обломков этой посуды не установлена, так как упомянутые артефакты, как правило, представлены мелкими бедно орнаментированными фрагментами, которым трудно найти полные соответствия в керамике той или иной археологической культуры, распространенной к северу от земледельческих оазисов Туркменистана.

Для определения времени контактов оседлых и пастушеских племен важны находки целых степных сосудов на земледельческих поселениях. Один из них обнаружен на памятнике Таип-депе 1 (рис. 1, 1) в древней дельте Мургаба без указания археологического контекста и стратиграфической позиции этого артефакта. Горшок не имеет налепного валика, и, следовательно, не может быть датирован позднее, чем эпоха развитой фёдоровской культуры. Орнаментальная композиция, представленная на сосуде, выполнена в архаичной манере, когда узор покрывает всю поверхность изделия. Эта традиция, восходящая к эпохе неолита, не прослеживается, однако, в кельтеминарской культуре Центральной Азии. Не характерна она и для культуры степной бронзы Заман-баба, распространенной в низовьях Зеравшана. Для северных территорий, лежащих вне Центральной Азии (Поволжье, Зауралье), данный стиль фиксируется в неолите — энеолите (рис. 1, 3–6), а в Казахстане — начиная с энеолита, причем расположение орнамента на горшке из Таип-депе 1 обнаруживает большое сходство с манерой украшения посуды полтавкинской культуры среднего бронзового века в Среднем Поволжье (рис. 1, 7–9). Сохраняется эта традиция и в начале позднего бронзового века, где она выявлена для потаповской в Среднем Поволжье (рис. 1, 10–12) и синташтинской в Зауралье (рис. 1, 13–15) культур. Позднее, в ранних срубных (рис. 1, 16) и ранних алакульских (рис. 1, 17) памятниках данная манера украшения сосудов встречается крайне редко (Среднее Поволжье, Центральный Казахстан). Теперь узоры покрывают в основном не более двух верхних третей поверхности гончарных изделий (рис. 1, 18). Степной горшок из Таип-депе 1 обнаружен в одном контексте с такой формой сосуда как кубок на ножке (рис. 1, 2). Последний характерен для керамических комплексов первого этапа культуры позднего бронзового века (рис. 1, 19–21), распространенной на юге

Рис. 1. Глиняные сосуды из памятников Южного Туркменистана (1–2, 19–21), Среднего Поволжья (3–4, 6–12, 16), Зауралья (5, 13–15) и Центрального Казахстана (17–18). 1–2, 5, 19–21 — поселения; 3–4 — стоянки; 6–18 — могильники. 3–5 — неолит: 3 — Кряжская, камская культура, первая половина IV тыс. до н. э. (по: Бадер 1973: табл. 17, 6); 4 — Виловатовская, средневожская культура, конец V тыс. до н. э. (по: Васильева, Выборнов 2012: рис. 4, 1); 5 — Дувановское V, сосновоостровская культура, V — начало IV тыс. до н. э. (по: Усачёва 2016: рис. 2, 15). 6 — энеолит, Съезжинский, самарская культура, конец VI — начало V тыс. до н. э. (по: Моргунова 2011: рис. 6, 14). 7–9 — средний бронзовый век: 7–9 — Абашево II, кург. 2, погр. 3 и 5; Покровка I, кург. 4, погр. 1, полтавкинская культура, вторая половина XXIX — первая половина XXIV вв. до н. э. (по: Васильев и др. 2000: рис. 18, 2–4, Кузнецов и др. 2018). 1–2, 10–21 — поздний бронзовый век: 1–2 — Таип 1, второй комплекс, конец первой четверти II тыс. до н. э. (по: Масимов 1979: рис. 5, 26; 6, 33); 10–12 — Потаповка, потаповская культура (по: Ткачёв В., Хаванский 2006: рис. 41, 6; 58, 7; 52, 10); 13 — Каменный Амбар V (Там же: рис. 36, 7); 14 — Ишкиновка I (Там же: рис. 25, 17); 15 — Танаберген II (Там же: рис. 56, 5); 13–15 — синташтинская культура; 16 — Уранбаш, ранняя срубная культура, XVIII–XVII вв. до н. э. (по: Купцова 2014: рис. 3, 11, без масштаба); 17, 18 — Майтан, ограда 36, жертвенник 1, ограда 18 (ограда 3), могила 1, ранняя алакульская культура, XVII–XVI вв. до н. э. (по: Ткачёв 2019: рис. 96, 3; 46, 5); 19 — Аучин 1, погр. № 4 (по Сарияниди 1990: табл. II, 15); 20 — Тоголок 21, погр. № 20, первая половина II тыс. до н. э. (Там же: табл. XCVA, 7); 21 — Южный Гонур (по: Sarianidi 1993, fig. 7). 10–15, 19, 21 — начало II тыс. до н. э.

Центральной Азии (период раннее Намазга VI) и синхронной слою IIIС Тепе Гиссар на северо-востоке Ирана, который датируется: 2150–1885; 1940–1705 гг. до н. э. (Dyson, Lawn 1989: 143). Итак, по совокупности всех данных степной сосуд из поселения Таип-депе 1 относится к самому концу первой четверти II тыс. до н. э. Такая датировка указывает на то, что начавшееся примерно в середине III тыс. до н. э. (культура Заман-баба) проникновение степных племен в пределы Центральной Азии продолжалось и в более поздние периоды бронзового века.

Литература

- Бадер О. Н. 1973. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // Гурина Н. Н. (ред.). Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л. С. 99–106 (МИА СССР. № 172).
- Васильева И. Н., Выборнов А. А. 2012. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // АПО. Вып. 10. С. 23–42.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А. 2000. Ранний и средний бронзовый век Самарского Поволжья. Гл. I. Ямная и полтавкинская культуры // Кабытов П. С. (гл. ред.). История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара. С. 6–64.
- Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У. 2018. Грачевские курганы: археология, антропология, геномный анализ. Самара.
- Купцова Л. В. 2014. Погребальные памятники срубной культуры Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // АПО. Вып. 11. С. 177–195.
- Масимов И. С. 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1. С. 111–131.
- Моргунова Н. Л. 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург.
- Сарианиди В. И. 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Ткачёв А. А. 2019. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск.
- Ткачёв В. В., Хаванский А. И. 2006. Керамика Синташтинской культуры. Орск; Самара.
- Усачёва И. В. 2016. Сосновоостровская культура: идентификация керамики и вопросы хронологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (35). С. 5–17.
- Dyson R. H., Lawn B. 1989. Key stratigraphic and radiocarbon elements for the 1976 Hesār sequence // Dyson R. H., Howard S. M. (eds.). Tappeh Hesār. Reports of the restudy project, 1976. Firenze. P. 143.
- Sarianidi V. 1993. Excavations at Southern Gonur // Iran. 5. 31. P. 25–37.

DATING OF THE SO-CALLED STEPPE JAR FROM THE SETTLEMENT OF TAIP-DEPE 1 IN THE ANCIENT MURGHAB DELTA (SOUTH TURKMENISTAN)

Vadim A. Alyokshin

Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

Keywords: Central Asia, North-Eastern Iran, Late Bronze Age, Taip-depe 1, Murghab Delta, Tepe Hissar, ornamental pattern, clay pot.

In layers of the Late Bronze Age at agricultural settlements of South Turkmenistan, occasionally pottery is found of the nomads who lived in the steppe of Eurasia. These vessels allow us to determine the time of contacts of settled and herding tribes in Central Asia. A pot of the steppe type uncovered

at the site of Taip-depe is distinguishable through its archaic ornamental composition, which being characteristic of the northern territories (Volga region, Trans-Urals) beginning from the Neolithic, shows similarity with the ornamentation of the Poltavka culture of the Middle Bronze Age on the Middle Volga. This tradition continued into the beginning of the Late Bronze Age: Potapovka (Middle Volga region) and Sintashta (Trans-Urals) cultures. Later, at early Alakul (Central Kazakhstan) and Srubnaya culture sites (Upper Volga region), it is very rarely encountered. The vessel from Taip-depe 1 is synchronous to the beakers on a foot of the beginning of the Late Bronze Age in Central Asia. The latter are synchronous to layer IIIC at Tepe Hissar (north-eastern Iran) dated to 2150–1885 and 1940–1705 BC. Thus the jar from the settlement of Taip-depe 1 is dating from the very end of the first quarter of the 2nd mill. BC.

ПСАЛИИ ВОДЯНЫХ КОНЕЙ (ОДНА ИЗ МИФОЛОГЕМ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ)

В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов

Донецкий республиканский краеведческий музей, Донецк, Украина

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-44-47

Ключевые слова: *Троя, псалии, землетрясения, Посейдон, кони, обряды.*

В ходе раскопок Цитадели Трои VI близ расположенных у края террасы крепостных стен (квадрат E8) (Easton et al. 2002: Fig. 6; Jablonka, Rose 2004: Fig. 1, 3; Pieniążek 2016: Fig. 2) были обнаружены два фрагментированных стержневидных псалия из оленьего рога (Jablonka 2006: 9; Korfmann, Zidarov 2006: 678). Один из артефактов (Korfmann, Zidarov 2006: Abb. 1, 1) может быть отнесен к типу Фюзешабонь по А. Можолитч (Mozsolics 1953), а второй (Korfmann, Zidarov 2006: Abb. 1, 2), изготовленный в явно центральноевропейской косторезной традиции, — к типу Спиш по Х.-Г. Хюттелю. Псалии датируются XIV–XIII вв. до н. э. (Zidarov 2006: 230). Как данные предметы располагались друг относительно друга и в каком контексте находились, в доступных нам публикациях не сказано. Стоит, однако, учесть два факта:

1) псалии локализовались между «Домом с колоннами» (Блеген 2002: 159–163, рис. 31) и Мегароном VI М, то есть тяготели к общественным постройкам (ср. Jung 2000);

б) близ этих же построек были выявлены несколько каменных изделий, которые интерпретируются как навершия рукоятей мечей (о культе меча см.: Soroceanu 2011) или украшения колесниц (Jablonka 2006: 9; Korfmann, Zidarov 2006: 686–688). Крайне сомнительно, чтобы подобные предметы были выброшены за ненадобностью или утераны. Очевидно, их намеренно депонировали.

Из этих фактов можно сделать вывод, что участок, где найдены псалии, вполне мог использоваться для проведения обрядовых манипуляций. Соответственно, и археологизация самих псалиев, скорее всего, произошла в ходе каких-то обрядов.

Важным моментом является то, что псалии из квадрата E8 — первые детали конской узды бронзового века, выявленные в Трое. Но что могло дать толчок появлению в Трое практики обрядового использования конской упряжи? Пытаясь ответить на данный вопрос, обратим внимание на то, что в Трое упомянутая практика возникла намного позже, чем в некоторых других регионах Эгейского мира (Pavúcs et al. 2014: 118). Троянские псалии относятся ко времени фаз VIg–VIh. Это соответствует периоду LH IIIA (Позднеэлладский IIIA) хронологии Эгеиды (см.: Pavúcs 2007; Pavúcs, Pieniążek 2016: Fig. 2). Самое же раннее проявление обрядового использования псалиев в микенской культуре фиксируется по находкам этих изделий в IV шахтной гробнице могильного круга А из Микен, которая датируется началом периода LH IA (Позднеэлладский IA) (Бочкарёв, Кузнецов 2014: 6). Укажем и на недавно опубликованную находку декорированного стержневидного псалия из элитного